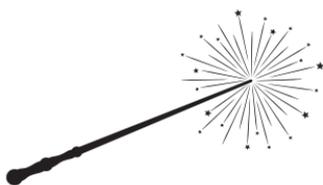

*Посвящается Лэдди и Розе.
Сражайтесь в своих битвах
и выкуйте свои собственные крылья*

КНИГА
ПЕРВАЯ

Саймон

Я иду на автовокзал в одиночестве. Когда я уезжаю, всегда возникает суета из-за моих документов. Все лето нам даже не разрешают ходить в «Теско»* без сопровождения и разрешения королевы, а осенью я просто выписываюсь из интерната и сваливаю.

— Он ходит в *специальную* школу, — объясняет одна сотрудница другой, когда я уйду. Женщины сидят за перегородкой из оргстекла, и я просовываю ей свои бумаги обратно через щель. — Это школа для ужасных преступников, — шепчет она.

Другая женщина даже не поднимает глаз.

И так каждый сентябрь, хотя я никогда не попадаю в один и тот же интернат дважды.

В первый раз Верховный Маг сам привел меня в школу, когда мне было одиннадцать. Но на следующий год сказал, что я могу добраться до Уотфорда самостоятельно.

«Ты убил дракона, Саймон. Наверняка справишься с долгой прогулкой и парочкой автобусов».

Я не намеревался убивать этого дракона. Думаю, он ничего бы со мной не сделал. (Мне иногда до сих пор снится, как огонь поглощает его изнутри, подобно тлеющей сигарете, пожирающей лист бумаги.)

Добравшись до автовокзала, я ем мятный «Аэро»** , пока жду свой первый автобус. Потом еще один автобус. Затем поезд.

Как только устраиваюсь в поезде, пытаюсь заснуть с сумкой на коленях, положив ноги на сиденье напротив, но муж-

---

* Британская компания, крупнейшая розничная сеть в Великобритании, управляет 2700 торговыми центрами по продаже продовольствия и промышленных товаров. Используемые торговые форматы: гипермаркет, супермаркет, магазин у дома и др.

** Марка плиточного шоколада.

Рэйнбоу Рауэлл

чина несколькими рядами дальше не перестает наблюдать за мной. Я чувствую, как его глаза скользят по моей шее.

Может, просто извращенец. Или коп.

Или это может быть охотник за костями, который знает о цене за мою голову... («*Это охотник за головами*», — сказал я Пенелопе в первый раз, когда мы с ним сразились. — «*Нет, охотник за костями*, — ответила она. — *Сокращенно от “костяные зубы”.* Потому что именно их они сохраняют, если поймают тебя».)

Приходится сменить вагон, и я больше не пытаюсь уснуть. Чем ближе подъезжаю к Уотфорду, тем больше беспокойства чувствую. Каждый год я думаю о том, чтобы спрыгнуть с поезда и заклинать себя остаток пути в школу, даже если это повергнет меня в кому.

Я мог бы наложить на поезд заклинание «**Поторопись**», но это и в лучшие времена бывает рискованным, а мои первые несколько заклинаний в учебном году всегда *особенно* рискованны. Летом я обязан тренироваться, пробуя несложные, предсказуемые заклинания, пока никто не смотрит. Например, включение ночных огней или замена яблок на апельсины.

— Застегни пуговицы, завяжи шнурки с помощью заклинания, — предложила мисс Поссибельф. — Что-то в этом роде.

— У меня всегда только одна пуговица, — сказал я ей, а затем покраснел, когда она посмотрела на мои джинсы.

— Тогда используй свою магию для домашних дел, — посоветовала она. — Помой посуду. Отполируй серебро.

Я не удосужился сказать мисс Поссибельф, что в летнее время я ем из одноразовых тарелок и обычно пользуюсь пластиковыми столовыми приборами (вилками и ложками, а не ножами).

Этим летом я также не удосужился попрактиковаться в магии.

Это скучно. И бессмысленно. И не так чтобы *помогает*. Практика не улучшает мои магические способности, а просто выводит меня из себя...

Продолжай в том же духе

Никто не знает, почему моя магия такая, какая есть. Почему она похожа на взрыв бомбы взамен чертовому плавному потоку, который течет во всех остальных.

— Я не знаю, — протянула Пенелопа, когда я спросил ее о том, как она чувствует магию. — Думаю, это что-то вроде колодца внутри меня. Такого глубокого, что я не могу увидеть или даже вообразить, где его дно. Но вместо того, чтобы посылать туда ведра, я посылаю мысли о том, чтобы выудить из него магию. И она появляется — столько, сколько пожелаю, пока я остаюсь сосредоточенной.

Пенелопа всегда сосредоточенна. Да и к тому же могущественна.

Агата — нет. По крайней мере, не так. И Агата не любит говорить о своей магии.

Но однажды, на Рождество, я заставлял Агату не спать до тех пор, пока ее не одолела усталость, и только тогда она призналась, что наложение заклинаний для нее подобно постоянному сокращению мышц.

— Что-то вроде *croisé devant*, — сказала она. — Понимаешь?

Я потряс головой.

Агата лежала на волчьей шкуре перед камином, свернувшись в комочек, будто красивый котенок.

— Это из балета, — объяснила она. — Нужно держаться в одной и той же позиции как можно дольше.

Баз же как-то признался, что для него ощущение магии — это как поджечь спичку. Или спустить курок.

Он не хотел мне этого говорить. Это случилось, когда мы с ним сражались с химерой в лесу на пятом году обучения. Химера зажала нас в угол, и Баз оказался недостаточно силен, чтобы сразиться с ней в одиночку. (Даже Верховному Магу это не под силу.)

— Сделай это, Сноу! — закричал на меня Баз. — Давай. Высвободи свою чертову силу сейчас же.

— Не могу, — попытался сказать ему я. — Это так не работает.

— Да все, черт тебя дери, работает.

— Я не могу просто щелкнуть переключателем! — взорвался я.

Рэйнбоу Рауэлл

— А ты *попробуй*.

— Проклятье, да *не могу я!* — Я размахивал мечом — уже в пятнадцать я отлично владел им, — но химера была бес-телесной. (Везет так везет, как, впрочем, и всегда. Ведь как только ты начинаешь носить с собой меч, все твои враги моментально превращаются в туман или паутину.)

— Закрой глаза и подожги спичку, — сказал мне Баз. Мы оба пытались спрятаться за валуном. Баз выкрикивал заклинания одно за другим, практически распевая их.

— Что?

— Так говорила моя мать, — произнес он. — Зажги спичку в своем сердце, а затем подуй на трут.

Баз всегда был связан с огнем. Я не мог поверить, что он до сих пор меня не испепелил. Или не сжег на костре. Ему нравилось пугать меня похоронами викингов, когда мы еще были на третьем курсе.

— Знаешь, что такое эти похороны, Сноу? Пылающий костер, дрейфующий по морю. Мы могли бы сделать такой для тебя в Блэкуле, чтобы все твои гоповатые дружки из Нормалов могли прийти.

— Отвали, — отмахивался я в попытке игнорировать его.

У меня никогда не было друзей среди Нормалов, гопова-тых или еще каких.

Все в Нормальном мире держатся от меня подальше, если могут. Пенелопа говорит, они чувствуют мою силу и инстинктивно отстраняются. Как собаки, которые не смотрят в глаза своим хозяевам. (Не то чтобы я был чьим-то хозяином — я не это имел в виду.)

В любом случае с магами все наоборот. Они любят за-пах магии. Нужно сильно постараться, чтобы заставить их ненавидеть меня.

Но это никак не относится к Базу. У него иммунитет. Может быть, он выработал терпимость к моей магии, деля со мной комнату каждый семестр в течение семи лет.

В ночь сражения с химерой, Баз продолжал кричать на меня, пока я не взорвался. Мы оба очнулись через несколько часов в почерневшей яме. Валун, за которым мы прятались,

Продолжай в том же духе

стал пылью, а химера — паром. А может быть, она просто исчезла.

Баз был уверен, что я подпалил ему брови, но мне он показался прекрасным — каждый волосок на своем месте.

Как обычно, впрочем.

Саймон

Во время летних каникул я не позволяю себе думать об Уотфорде.

После моего первого пребывания там, когда мне было одиннадцать, я провел все лето, размышляя об этом месте. Думал обо всех, кого встретил в школе: Пенелопе, Агате, Верховном Маге. Думал о башнях и землях. О чае. Пудингах. *Магии*. И о том факте, что я сам — маг.

Меня тошнило от мыслей об Уотфордской Школе Магии — я мечтал о ней, пока это не начало казаться мне не более, чем мечтами. Просто очередной фантазией, чтобы скоротать время.

Вроде того, как я мечтал однажды стать футболистом, или о том, что мои родители — настоящие родители — собираются вернуться за мной...

Мой отец был бы футболистом. А мама — какой-нибудь шикарной моделью. И они бы объяснили, что отдали меня, поскольку были слишком юными для ребенка и на кону стояли их карьеры. *«Но мы всегда скучали по тебе, Саймон, — уверяли бы они. — Мы искали тебя»*. И после этого они бы забрали меня с собой, чтобы вместе жить в их особняке.

Особняк футболиста... Магическая школа-интернат...

И то и другое кажется просто дерьмом собачьим, если хорошенько посмотреть. (Особенно когда спишь в одной комнате с семью другими отбросами.)

В то первое лето я превратил воспоминание об Уотфорде в кровавое месиво к тому времени, как осенью пришли мои билеты на автобус и документы вместе с запиской от самого Верховного Мага...

Рэйнбоу Рауэлл

Реальность. Это все было реальностью.

Так что *следующим* летом, после моего первого года обучения в Уотфорде, я не разрешил себе думать о магии. Вообще. Четыре месяца. Я просто отстранился от этого. Не скучал по магии, не желал ее.

Я решил позволить Миру Магов вернуться ко мне, в виде большого подарка-сюрприза, в сентябре, если уж этому суждено было случиться. (И он *действительно* вернулся. Так бывало всегда, до сих пор.)

Верховный Маг говорил, что, наверное, когда-нибудь он позволит мне провести лето в Уотфорде — или, возможно, даже с ним, куда бы он ни отправлялся на все лето.

Но потом он решил, что мне лучше проводить часть каждого года с Нормалами. Чтобы быть ближе к языку и всегда оставаться начеку: «*Пусть трудности заточат твой клинок, Саймон*».

Мне казалось, он имел в виду мой настоящий клинок, Меч Магов. В конце концов я понял, что он имел в виду меня.

Я — клинок. Меч Верховного Мага. Но я не уверен, что отдых, проведенный в детских домах, делает меня хоть сколько-нибудь острым... Однако они делают меня голоднее. Заставляют желать оказаться в Уотфорде больше, чем, ну не знаю, быть живым.

Баз и его сторонники — все эти аристократические, богатые семьи — не верят в то, что кто-то может понимать магию лучше, чем они. Считают, будто они единственные, кому можно доверить ее.

Но никто не *любит* магию так, как ее люблю я.

Никакие другие маги: ни мои одноклассники, ни их родители — не знают, каково это — жить без магии.

Лишь я.

И я сделаю что угодно, дабы убедиться, что она всегда будет ждать меня по возвращении домой.

Я *стараюсь* не думать об Уотфорде, пока не нахожусь там, но этим летом это оказалось практически невозможно.

После всего, что случилось прошлым летом, я не мог поверить, что Верховный Маг обратил внимание на такую

Продолжай в том же духе

простую вещь, как конец семестра. Кто прерывает войну, чтобы отправить детей домой на летние каникулы?

Кроме того, я уже *не* ребенок. По закону я мог уйти из-под опеки в шестнадцать лет. У меня могла быть своя квартира где-нибудь. Например, в Лондоне. (Я мог себе это позволить. У меня есть целый мешок лепреконского золота — большой куль размером со спортивную сумку, и золото исчезает только тогда, когда пытаешься дать его другим магам.)

Однако Верховный Маг отправил меня в новый приют, собственно, как всегда. После всех этих лет он по-прежнему будто передвигал меня, как горошину под ракушками. Словно там я буду в безопасности. Словно Хамдрам* не мог просто призвать меня, или что он там сделал со мной и Пенелопой в конце прошлого семестра.

— Он способен *призывать* тебя? — потребовала ответа Пенни, едва мы скрылись от него. — С помощью водоема? Это невозможно, Саймон. Такого раньше не было.

— В следующий раз, когда он призовет меня в виде какой-нибудь чертовой демонической белки, — выпалил я, — обязательно передам ему твои слова!

Пенелопе не повезло держать меня за руку, когда на нас напали, так что ее схватили вместе со мной. Ее сообразительность — единственная причина, по которой мы сбежали.

— Саймон, — сказала она в тот день, когда мы наконец сели на поезд в Уотфорд. — Это серьезно.

— Зигфрид и чертов Рой**, Пенни, я знаю, что это серьезно. Теперь у него как будто есть мой номер телефона. А у меня даже *нет* телефона, но Хамдрам как-то его достал.

— Как мы можем так мало знать о нем, — возмущалась она. — Он такой...

— Коварный, — сказал я. — Коварный Хамдрам и все такое.

---

* Обыкновенность (англ.).

** Зигфрид и Рой — немецко-американский дуэт бывших эстрадных артистов Зигфрида Фишбахера и Роя Хорна, ставших известными благодаря своим представлениям с белыми львами и белыми тиграми.

Рэйнбоу Рауэлл

— Перестань ёрничать, Саймон. Это *серьезно*.

— Я знаю, Пенни.

Когда мы вернулись в Уотфорд, Верховный Маг выслушал нас, убедился, что мы в порядке, а затем отправил восвояси. Просто... отправил домой.

В этом не было никакого смысла.

Так что, *безусловно*, я провел все лето, размышляя об Уотфорде. Обо всем, что случилось, и том, что могло случиться, а также о вещах, стоящих на кону... Я буквально варился в этих мыслях.

И все же я не позволял себе заикливаться на чем-то *хорошем*, понимаете? На тех вещах, отсутствие которых может свести с ума, ведь ты неминуемо станешь скучать по ним.

Я составил список всех вещей, по которым скучаю больше всего, и запретил себе доступ к нему в своих мыслях, пока не окажусь в часе езды от Уотфорда. Вот тогда я и прохожусь по пунктам. Это как окунуться в холодную воду. Но, полагаю, обратная сторона этого — то, что ты окунаешься во что-то по-настоящему хорошее, так что шок в итоге не переполняет тебя.

Я начал составлять свой список — список хороших вещей, — когда мне было одиннадцать, и, наверное, стоит уже вычеркнуть парочку позиций, однако это сложнее, чем кажется на первый взгляд.

В любом случае я уже в часе езды от школы, поэтому мысленно вынимаю список, прижимаясь лбом к окну поезда.

Кое-что в Уотфорде, по чему я скучаю:

Номер один — вишневые булочки.

Я никогда не ел вишневые булочки до Уотфорда. Только с изюмом, но и те чаще всего были простыми, купленными в магазине, а затем оставленными в духовке на слишком долгое время.

В Уотфорде каждый день на завтрак подают свежеспеченные вишневые булочки. И еще раз после обеда, с чаем. Нам подают его в обеденном зале после уроков, перед факкультативами, футболом и домашней работой.

Продолжай в том же духе

Я всегда пью чай с Пенелопой и Агатой, и я единственный из нас, кто ест эти булочки. «Ужин через два часа, Саймон», — как обычно, цокает Агата, даже спустя столько лет. Однажды Пенелопа попыталась вычислить, сколько булочек я съел с тех пор, как мы начали учиться в Уотфорде, но ей стало скучно еще до того, как она получила ответ.

Я просто не могу пройти мимо булочек, если они есть. Мягкие, легкие и немного соленые. Иногда я мечтаю о них.

Номер два — Пенелопа.

Это место в списке принадлежало ростбифу, но несколько лет назад я решил ограничить себя одним продуктом питания. Иначе список превращается в песню о еде, как в мюзикле «Оливер!»*, и я становлюсь таким голодным, что у меня живот сводит.

Возможно, я должен поставить Агату выше Пенелопы, ведь Агата — моя девушка. Однако Пенелопа первой попала в список. Она подружилась со мной в мою первую неделю в школе, во время урока магии слов.

Я не знал, что с ней делать, когда мы встретились — пухленькая девушка со светло-коричневой кожей и огненными волосами. На ней были остроконечные очки, какие обычно надевают на маскарад, нарядившись ведьмой, и гигантское фиолетовое кольцо, тянущее вниз ее правую руку. Она пыталась помочь мне с заданием, а я, кажется, просто пялился на нее.

— Я знаю, ты — Саймон Сноу, — заявила она. — Моя мама сказала, что ты будешь здесь. Она говорит, ты очень могущественный, даже более могущественный, чем я. Меня зовут Пенелопа Банс.

— Я и не знал, что кого-то вроде тебя можно назвать Пенелопой, — произнес я. Глупо. (Все, что я говорил в том году, было глупо.)

Она сморщила нос.

— И как же назвать такую, как я?

---

* «Оливер!» — британский мюзикл Лайонела Барта по книге Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

Рэйнбоу Рауэлл

— Не знаю. — Я действительно не знал. Других девушек, похожих на нее, которых я встречал, звали Саанви или Адити, и они определенно не были рыжими. — Саанви?

— Таких, как я, можно назвать как угодно, — заметила Пенелопа.

— О, — сказал я. — Верно, извини.

— И мы можем делать с нашими волосами все, что захотим. — Она вернулась к заданию, взмахнув рыжим хвостиком. — Знаешь, невежливо пляться, даже на друзей.

— А мы друзья? — спросил я ее. Удивленный как никогда.

— Я помогаю тебе с заданием, разве нет?

И правда. Она только что помогла мне уменьшить футбольный мяч до размера шарика.

— Я думал, ты помогаешь мне, потому что я тупица, — сказал я.

— Все вокруг тупицы, — ответила она. — Я помогаю тебе, поскольку ты мне нравишься.

Оказалось, что она случайно окрасила волосы в огненный цвет, пробуя новое заклинание, но в итоге пронесла их такими весь первый год учебы. В следующем году она попробовала синий.

Мама Пенелопы индианка, а папа англичанин — на самом деле они оба англичане. Индийская часть ее семьи живет в Лондоне уже целую вечность. Позже она рассказала мне, что ее родители велели ей держаться от меня подальше, пока мы в школе.

— Мама сказала, что никто на самом деле не знает, откуда ты родом. И что ты можешь быть опасен.

— Почему же ты ее не послушала? — поинтересовался я.

— Потому что никто на самом деле не знает, откуда ты родом, Саймон! И ты можешь быть опасен.

— У тебя просто *наихудший* инстинкт выживания.

— К тому же мне стало тебя жаль, — добавила она. — Ты держал свою палочку другим концом.

Я скучаю по Пенни каждое лето, даже когда упрощаю себя этого не делать. Верховный Маг говорит, что никто не должен писать мне или звонить в праздники, но Пенни все равно находит способы отправлять сообщения: однажды она вселилась в старика в магазине, — того, что постоянно

Продолжай в том же духе

забывает вставить себе зубы, — и говорила через него. Было приятно получить от нее весточку и все такое, но это было так жутко, что я попросил ее больше этого не делать, если только не возникнет чрезвычайная ситуация.

Номер три — футбольное поле.

Я не могу играть в футбол как раньше. Я недостаточно хорош, чтобы выступать за школьную команду, к тому же всегда вовлечен в какие-то интриги или драму либо нахожусь на задании Верховного Мага. (Нельзя надеяться точно забить гол, пока проклятый Хамдрам может призвать в тебя любое время, когда ему взбредет в голову.)

Но я умею играть. И это поле идеально: прекрасная трава, единственная ровная часть территории школы, а рядом красивые тенистые деревья, под которыми можно посидеть и посмотреть матчи...

Баз играет за нашу школу. Естественно. Придурок.

На поле он такой же, как и везде. Сильный. Изящный. Чертовски безжалостный.

Номер четыре — моя школьная форма.

Я внес ее в список, когда мне было одиннадцать. Вы должны понимать, что, получив свою новую форму, я впервые осознал, что у меня появилась одежда, которая мне подходила, впервые я носил блейзер и галстук. Я вдруг почувствовал себя высоким и шикарным. Пока Баз не вошел в нашу комнату, намного выше меня и роскошнее всех.

В Уотфорде учеба длится восемь лет. Первокурсники и второкурсники носят полосатые блейзеры — двух оттенков фиолетового и двух оттенков зеленого — с темно-серыми брюками, зелеными джемперами и красными галстуками.

До конца шестого года обучения ученики обязаны носить на территории школы канотье*, что на деле является обычной проверкой, в ходе которой выясняется, достаточно ли

---

* Канотье — французская соломенная шляпа жесткой формы с цилиндрической тульей и прямыми, довольно узкими полями. Первые ее стали носить в 1890–1900-е годы молодые люди, увлекавшиеся греблей, и гондольеры, чтобы защититься от солнца.

Рэйнбоу Рауэлл

сильно ваше заклинание «**На месте**», дабы удержать чертову шляпу на голове. (Пенни всегда произносила это заклинание за меня, ведь если бы я делал это сам, то наверняка спал бы в этой штуковине.)

Каждую осень, когда я возвращаюсь в свою комнату, меня ждет совершенно новая форма. И независимо от того, изменился ли я или вырос, она всегда разложена на моей кровати, чистая, выглаженная и идеально подогнанная.

Старшекласники — это я сейчас — носят зеленые блейзеры с белым кантом*. Плюсом к этому красные джемперы, если захотим. И накидки тоже. Я никогда их не носил, в них я чувствую себя ужасно, но Пенни они полюбились. Говорит, что чувствует себя Стиви Никс**.

Мне нравится униформа. Нравится знать, что я буду носить каждый день. Понятия не имею, что надену в следующем году, когда закончу Уотфорд...

Я думал присоединиться к Магическому Братству. У них своя униформа — смесь костюмов Робина Гуда и МИ-6. Но Верховный Маг утверждает, что это не мой путь.

Так он мне и говорит: «*Это не твой путь, Саймон. Твоя судьба в ином*».

Он хочет, чтобы я был отдельно от всех остальных. Раздельное обучение. Специальные уроки. Не думаю, что он позволил бы мне ходить в Уотфорд, если бы не был там директором и если бы не считал, будто это самое безопасное место для меня.

Если бы я спросил Верховного Мага, что мне носить после Уотфорда, он бы, наверное, одел меня как супергероя...

Я никого не спрошу, что мне надеть, когда покину это место. Мне восемнадцать. Оденусь сам.

Или Пенни поможет.

---

* Кант — элемент или аксессуар одежды в виде цветного шнура или узкой полоски цветной материи по краю одежды (оторочка) или по шву.

** Стефани Линн «Стиви» Никс — американская певица и автор песен. Никс наиболее известна благодаря своей работе с группой Fleetwood Mac, а также успешной сольной карьерой.

Номер пять — моя комната.

Я должен был бы сказать «наша комната», но не скуучаю по части под названием «я делю комнату с Базом».

Ученик получает свою комнату и соседа по комнате в Уотфорде на первом курсе и потом уже не переезжает из нее. Не придется собирать вещи или снимать плакаты до самого окончания.

Делить комнату с тем, кто хочет тебя прикончить — и хотел этого еще с тех пор, как мне было *одинадцать*, — это... Что ж, это просто бред какой-то, не так ли?

Но, возможно, Горнило* чувствовало себя виноватым из-за того, что поселило нас с Базом вместе (не буквально, ведь я *не думаю*, что Горнило разумно), потому что отдало нам самую лучшую комнату в Уотфорде.

Мы живем в Маммерс-Хаус, на окраине школьной территории. Это каменное здание в четыре с половиной этажа, и наша комната находится на самом верху, в какой-то башенке, вид из которой выходит на ров. Башня слишком мала для нескольких комнат, но она больше, чем другие студенческие комнаты. Раньше это были помещения для персонала, так что у нас есть собственная ванная комната.

На самом деле делить ванную с Базом не так уж плохо. Он торчит там все утро, но он чистюля. И ему не нравится, когда я прикасаюсь к его вещам, поэтому держит их отдельно. Пенелопа говорит, что наша ванная пахнет кедром и бергамотом, и это, должно быть, дело рук База. Точно не мое.

Я бы рассказал вам, как Пенни умудряется проникнуть в нашу комнату, — девочкам запрещено появляться в обиталище мальчиков, и наоборот, — но я до сих пор не знаю. Думаю, это может быть ее кольцо. Я видел, как она однажды использовала его, чтобы вскрыть пещеру, так что все возможно.

Номер шесть — Верховный Маг.

Я включил Верховного Мага в этот список, когда мне также было одинадцать лет. И множество раз я думал, что стоит вычеркнуть его.

---

* Горнило — то, что является средоточием испытаний, переживаний и т. п.

Рэйнбоу Рауэлл

Например, на шестом курсе, когда он практически игнорировал меня. Каждый раз, как я пытался поговорить с ним, он отвечал, будто занят чем-то важным. Он до сих пор иногда говорит мне это. Я понимаю. Он директор школы. И более того — он глава Ковена, так что технически отвечает за весь Мир Магов. И не то чтобы он мой отец. Он мне, по сути, никто...

Но он ближе всего к тому, кого я могу назвать родным.

Верховный Маг — первый, кто пришел ко мне в Нормальном мире и объяснил (или пытался объяснить), кто я такой. Он до сих пор присматривает за мной иногда, а я даже не осознаю этого. И когда у него действительно появляется время для меня, чтобы по-настоящему поговорить, тогда я чувствую себя наиболее уверенным в себе. Я лучше дерусь, когда он рядом. Я думаю лучше. Когда он поблизости, я почти верю в то, что он всегда повторял мне: будто я самый могущественный маг, которого когда-либо знал Мир Магов.

И что вся моя сила — это *хорошо*, или, по крайней мере, когда-нибудь так и будет. Что в конце концов я соберусь и решу больше проблем, чем создаю.

Кроме того, Верховный Маг — единственный, кому разрешено общаться со мной летом.

И он всегда помнит про мой день рождения в июне.

Номер семь — магия.

Не обязательно *моя* магия. Она всегда со мной, и, честно говоря, утешения в этом мало.

Чего мне не хватает, когда я вдали от Уотфорда, так это просто *ощущения* магии вокруг меня. Повседневной, атмосферной магии. Людей, колдующих в коридорах и во время уроков. Видеть, как кто-то посылает в полет тарелку с сосисками вдоль всего обеденного стола, будто та держится на каких-нибудь невидимых проводах.

Мир Магов на самом деле не мир. У нас нет городов. Или даже районов. Маги всегда жили среди обыденности. По словам мамы Пенелопы, так безопаснее, поскольку это удерживает нас от того, чтобы не оказаться слишком далеко от остального мира.